
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ББК 66.74

С. Г. Айвазова

СТРАТЕГИЯ «ЭМПАУЭРМЕНТ» В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ (Гендерный аспект)

Прокатившаяся по всему миру волна протестных выступлений не могла не вызвать обострения теоретических дебатов по поводу феномена так называемой массовой политики. Исследователи, публицисты, политики пытаются не только объяснить истоки и смысл нынешних протестных акций, но и заново оценить функции массовой политики в современном мироустройстве. При этом кто-то ссылается на классические труды Э. Каннети [4], Х. Ортеги-и-Гассета [8], кто-то пытается переосмыслить сквозь призму этого феномена отечественную и мировую историю, отработывая строгие дефиниции понятий «массовая политика», «политика масс», «политика для масс» [5], кто-то рассматривает массовую политику как поле формирования новых трендов, точнее — новых форм и норм властных отношений при сохранении прежней дилеммы: авторитаризм versus демократия [3].

Модный в последние десятилетия философ С. Жижек полагает, например, что нынешние протестные выступления чреватые вовсе не расширением пространства «демократии участия», которую принято противопоставлять «репрезентативной демократии» с ее «избирательным обрядом». Он настаивает на необходимости развенчания мифа о «нерепрезентативной прямой самоорганизации», доказывая, что ее естественная основа — молекулярное «самоорганизованное множество» — может поддерживаться в противостоянии иерархическому порядку только «под сенью» харизматического лидера. Жижек ссылается на опыт Венесуэлы, подчеркивая, что эту страну многие хвалили за попытку разрабатывать способы прямой демократии (местные советы, кооперативы, рабочее управление на заводах), но в ней же президентом был Уго Чавес, мощный харизматический лидер, который и остается таковым в памяти людей. По мнению Жижека, чтобы индивиды «вышли за свои пределы», покончили с «пассивностью политического представительства» и начали действовать как

© Айвазова С. Г., 2013

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (руководитель С. В. Патрушев, Институт социологии РАН, Москва).

непосредственные политические агенты, необходима фигура лидера, вождя, который и позволяет им вытянуть себя за волосы, как барону Мюнхгаузену, вождя, который «и должен знать», чего они хотят. «Субъекту нужен Хозяин, чтобы он поднялся над уровнем “человека-животного” и осуществил бы верность Истине-как-событию» [3].

Патриарх современной социологии П. Штомпка, напротив, убежден в том, что в последние десятилетия у наших современников формируется некое особое качество, которое он определяет, вводя понятие «цивилизационная компетентность». Под последней П. Штомпка понимает «широкое собрание культурной предрасположенности, охватывающей готовность к участию в политической и самоуправленческой деятельности» [16, с. 50]. С близких позиций смотрит на массы современников и американский социолог Г. Рейнгольд, еще в начале нулевых годов выпустивший книгу с весьма красноречивым заглавием «Умная толпа: новая социальная революция», в которой он объявил устаревшим подход к толпе как некоей угрозе, особо подчеркнув, что пресловутый закон толпы вот-вот перестанет работать. По его мнению, люди, использующие новые коммуникационные технологии, теперь будут собираться только в «умную толпу». Разновидностью «умной толпы» повсеместно уже стал флешмоб — мгновенная толпа, спланированная акция, которая собирает большую группу людей по их согласованию [9].

Традиционные суждения о массах, толпе в силу специфики объекта исследования вроде бы не предполагают дифференциации по признакам пола, возраста, класса, расы. Толпа — она и есть толпа, ее специфика в близости. Однако концепт массовой политики, на наш взгляд, такую дифференциацию не просто допускает, но даже предполагает. Правда, в том случае, если исследователи изучают объект, исходя из представлений, близких позициям Штомпки или Рейнгольда. Тогда речь уже идет о процессе становления некоего «субъекта» (или «агента») действия с особыми характеристиками, в том числе характеристиками гендерными, которые существенно влияют на модальность массовой политики. Не случайно, скажем, массовые выступления 2011—2012 гг. в Москве сопровождались многочисленными социологическими исследованиями, обнаружившими, в частности, серьезный количественный разрыв по гендерному признаку в среде манифестантов [7]. Наши исследования политического поведения россиян, в свою очередь, позволили выявить некоторые качественные различия (гендерные разрывы) в гражданской компетентности мужчин и женщин и прийти к выводу о том, что сегодня политическое поведение российских женщин, как правило, оказывается продиктованным не столько рациональным выбором, сколько аффектом, повышенной склонностью к конформизму и др. [1, с. 232, 234, 238]. Именно эти характеристики, по сути являющиеся атрибутами подданнической политической культуры, способны провоцировать те настроения или ожидания «хозяина», «вождя», о которых с тревогой говорит С. Жижек.

Для снятия гендерных разрывов в гражданской («цивилизационной») компетентности необходимы какие-то специальные стратегии, программы по изменению норм, правил поведения, подходов к политике, в первую очередь россиянок. И здесь есть на что опереться. В России часто спорят относительно запад-

ных методов «продвижения демократии», но всерьез наиболее значимые образцы развития гражданственности редко становятся предметом анализа. В этой статье мы предлагаем вниманию читателя краткий обзор одной из самых эффективных стратегий преодоления гендерных разрывов в массовой политике, которая по большому счету обделена вниманием отечественных исследователей и экспертов, хотя в Интернете на нее имеется масса ссылок. Речь пойдет о стратегии (и концепте, идее) «empowerment» (эмпваэрмент), так или иначе прокладывающей женщинам путь в современную массовую политику во всех ее вариантах — от голосования на выборах до участия в массовых протестных акциях.

Эта стратегия стала формироваться в конце 60-х гг., когда массовые студенческие волнения и возникшие на их фоне так называемые новые социальные движения также сотрясали мир. Активисты этих движений (прежде всего женского) пришли к выводу о необходимости эмансипации (эмпваэрмента) маргинальных, ослабленных с точки зрения социального сознания и гражданского участия слоев населения — особенно женщин, обретения ими статуса социального субъекта за счет просвещения и коллективной рефлексии в особых группах «роста самосознания»¹ [17, р. 9]. Позднее идею эмпваэрмента перехватили другие политические игроки — от реформаторов, воплощавших ее в проекты, нацеленные на развитие массового самоуправления на низовом уровне, до менеджеров Всемирного банка, а также экспертов ООН, озадаченных проблемой массовой женской бедности и пытавшихся на основе этой идеи выстроить стратегию «микрофинансирования» социально уязвимых слоев населения. В различных видах стратегия «эмпваэрмент» была распространена в самых разных регионах — от Южной Америки до Африки и Юго-Восточной Азии. Оговоримся, что отдельные реформаторские опыты сопровождались выхолащиванием идеи «эмпваэрмент»: вместо «обретения возможностей» «реципиенты» втягивались либо в опыты «самоуправления бедных», либо в «самоэксплуатацию» [17, р. 13—14]. Но это не повлияло на популярность идеи.

В конце XX в. понятие «эмпваэрмент» пришло на европейский континент, в литературу и публичные дебаты, связанные с проблемами «демократии участия». Этот же концепт стал ключевым в различных публикациях, адресованных социальным работникам, медикам, которые с его помощью описывали возможности «коллективного действия» по социальным преобразованиям; в работах по менеджменту, предназначенных для управленческого персонала предприятий. В нем видели рецепт по перестройке кризисных профессиональных практик, с ним связывали радикальную перспективу социальных перемен или эмансипации, но также — новое толкование неолиберальных идей, вызывающих к повышению ответственности индивидов.

Рамки небольшой статьи не позволяют подробно разбирать все варианты бытования концепта, мы коротко остановимся в основном на том, как стратегия «эмпваэрмент» складывалась в русле женского движения, решая задачи со-

¹ Отметим, что в последние два десятилетия опыт работы некоторых российских женских организаций (МЦГИ, Консорциум женских неправительственных объединений и др.) по гендерному просвещению отчасти напоминал первоначальные опыты коллективной рефлексии в группах «роста самосознания».

временной массовой политики и гражданского общества. Но прежде обратим внимание на то, что сама стратегия (как и ее концепт) названа трудно переводимым на русский язык английским термином «empowerment», корнем которого является слово «power» — власть. Отечественные исследователи, работавшие с термином «empowerment», переводили его как «обретение/осознание силы», «уполномочивание», «эмансипация», «обретение возможностей» [15, с. 94]. Нам представляется, что перевод этого понятия должен обязательно сохранять свою корневую основу и тогда скорее звучать как «обретение власти»². С такого рода трудностями при переводе термина столкнулись не только отечественные исследователи. Авторы недавно вышедшей во Франции книги «Эмпауэрмент: практика эмансипации» оговариваются, что во французском языке нет аналога этому английскому термину, поэтому они также вынуждены использовать его без перевода. И дело здесь не в том, что переводчикам недостает фантазии, а в том, что сама идея эмпауэрмента чужда не только языку, но и социально-политической традиции их страны, в которой государство остается определяющим актором, а измерения «коллективного», «коммунитарного» едва находят себе место. По словам авторов, «социология отчуждения и доминирования, пронизывающая французские подходы к миру социальному, оставляет мало места акторам и их способности к действию» [17, р. 7]. Такого рода аргументы вполне созвучны и российской политической традиции. Важно, кроме того, отметить, что истоки понятия «эмпауэрмент» уходят корнями в XVII в., когда глагол «to empower» появился в Британии для описания власти или формального авторитета. Сам же термин «эмпауэрмент» возник в середине XIX в. для определения одновременно и состояния власти, и действий по ее достижению. Взяв понятие на вооружение в конце 60-х гг. XX в., активисты новых социальных движений сохранили оба его измерения — власть и процесс обучения навыкам ее достижения. Они полагали, что и состояние, и процесс могут быть как индивидуальными, так и коллективными, как социальными, так и политическими. В этой парадигме эмпауэрмент — это путь к эмансипации и самореализации индивидов, к гражданскому признанию различных социальных групп и сообществ, а значит — к социальной трансформации.

Принято считать, что первыми понятие «эмпауэрмент» в таком его толковании использовали активистки движения против насилия над женщинами в США [17, р. 7]. Для них оно означало процесс, направленный на достижение равноправного участия в групповой деятельности по обретению женщинами «коллективного» или «критического сознания», который позволял бы им развить внутренние способности и получить навыки гражданского действия, власть действовать — одновременно личностную и коллективную. Вслед за тем концепт «эмпауэрмент» находит своих сторонников среди представителей практически всех потоков протестного движения: тех, кто выступает в целом за освобождение женщин³, кто поднимает расовый вопрос, вопросы региональной

² В отсутствие устоявшегося русского перевода данного понятия мы будем использовать в этой работе англоязычный термин «эмпауэрмент».

³ Об американском женском движении тех лет писали многие российские исследовательницы, поэтому не будем останавливаться на нем подробно. Сошлемся на две

идентичности и экологии и др. Таким образом, он превращается в фактор массовой мобилизации против разных форм социального неравенства — гендерного, классового, расового, в особую стратегию массовой политики, направленную на обретение «угнетенными некогда личностями возможности распоряжаться своими судьбами, на расширение участия в делах общества и присутствия в соответствующих властных и политических структурах» [15, с. 94].

В дебатах активисток и теоретиков женского движения того времени три темы оказались, по нашему мнению, особо значимыми как для формирования самой стратегии «эмпваэрмент», так и для содержательного наполнения современной массовой политики: тема идентичности и политической субъектности; тема разнообразия и права на различие; тема новой властной парадигмы.

Последняя тема, определявшая целевую направленность данной стратегии, развивалась в оживленных дебатах по поводу причин подчиненности женщин и поиска лучших способов добиться их освобождения. В ходе этих дебатов существующей концепции власти — «мужской», «либеральной», «инструменталистской», «ограниченной» и выраженной формулой «власть над...» — была противопоставлена концепция «власти для...», «власти вместе...», т. е. «власти как энергии и компетенции вместо подавления», власти, не дарованной сверху, а приобретенной снизу. Эта интеллектуальная операция проводилась с опорой на разработки теоретиков самого разного плана — от Х. Арендт до М. Фуко, А. Турена и других [17, р. 13]. При этом теоретические конструкты чуть ли не моментально пытались применить на практике — в текущей деятельности женских организаций. Как пишут американские исследовательницы В. Тейлор и Н. Уиттгер, «альтернативные институты первоначально представлялись радикальными феминистками как острова сопротивления патриархату и как способ получения власти путем улучшения жизни женщин и расширения их ресурсов» [11, с. 972]. Такими институтами могли быть центры здоровья, центры реабилитации после изнасилования и приюты для пострадавших от домашнего насилия; книжные магазины и объединения художниц и поэтесс; газеты, издательства, кредитные союзы и др. В каждой из таких групп ее участницы обменивались личным опытом, который интерпретировался в категориях «политического». По словам В. Тейлор и Н. Уиттгер, «фраза “личное есть политическое”, произнесенная радикальной феминисткой Кэррол Хэниш и развитая в работе Кейт Миллет “Сексуальные политики”, стала “клеймом” этой стратегии» [11, с. 980].

Белорусская исследовательница И. Чикалова, на наш взгляд, верно оценила значимость этой интеллектуальной операции, обратив внимание на то обстоятельство, что «понимание власти не как доминирования, а как полномочия или компетенции, вера в иной подход к политике» со временем превратились в

яркие работы с его подробным анализом, в которых, правда, отсутствуют отсылки к стратегии «эмпваэрмент»: Попкова Л. Теория и практика современного феминизма: женское движение в США // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 1 : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. С. 635—664 ; Темкина А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты // Там же. С. 664—696.

весомые аргументы в пользу массового вторжения женщин в поле политики, включая «увеличение представительства женщин на элитных политических позициях» [15, с. 94].

Понятно, что в рамках стратегии, направленной на обретение женщинами властных полномочий, а потому выстроенной вокруг дискуссий о личном/политическом опыте женщин, их подчиненности, сексуальности, невозможно было обойти вниманием тему (как целеполагающую, так и инструменталистскую) о праве женщин на автономию, независимую субъектность, идентичность, наконец, на гражданское и политическое представительство⁴. Знаменитая американская исследовательница Дж. Скотт в разгар дискуссий очень точно сформулировала обоснованность этой темы, заявив, что понятие «женщина», по своей сути, есть политическая категория [19, р. 71]. Не все участницы этой дискуссии разделяли позицию Д. Скотт. Многие из них были сторонницами другого — не ситуативного, контекстуального, а «онтологического» — подхода к определению женской субъектности, идентичности, которая, по их мнению, должна стать и новой — «женской» — формой гражданства.

Сторонницы этого подхода, а к ним принадлежали такие видные теоретики, как К. Гиллиган, С. Руддик, К. Пейтман, А. Янг, каждая по-своему настаивали на тезисе об онтологической заданности «мужской» и «женской» субъектности — о существовании особой сущности, значит — идентичности, «мужского» и «женского». Вследствие чего «женская» гражданственность, понимаемая прежде всего как «этика материнской заботы», противопоставлялась ими «мужской», «отцовской» этике справедливости, сформированной в рамках либеральной традиции. Такой подход бросал вызов классической (универсальной, «мужской») модели гражданства. Он предполагал, что современное гражданство должно ориентироваться на «женские» ценности любви, заботы, интимности, признание нужд «конкретного другого». Только в этом случае якобы возникает возможность «снятия» так называемой «уолстонкрафтовской дилеммы»⁵, предупреждающей о том, что требования гражданского признания, равноправия сопровождаются невольной легитимацией патриархатного гражданства со стороны женщин. А вместе с этим — добровольно-принудительным их отречением от своей особой идентичности (идентичности «женственности» у одних, идентичности «материнства» у других теоретиков) для овладения навыками изначально «мужского» бытования в публичной политике [18].

Комментируя эту позицию, другая знаменитость, философ Дж. Батлер, довольно резко заявляла: «Не существует онтологии гендера, на которой мы могли бы конструировать политику, поскольку гендерные онтологии всегда функционируют внутри заданных политических контекстов в качестве нормативных предписаний <...> Внутренний парадокс этого фундаментализма со-

⁴ Опыт работы автора статьи в различных российских женских аудиториях (с использованием метода «включенного наблюдения») позволяет утверждать, что и для наших соотечественниц эта тема является значимой.

⁵ Производное от имени Мэри Уолстонкрафт, знаменитой поборницы женского равноправия в Англии, требовавшей в конце XVIII в. распространить гражданские права на женщин.

стоит в том, что он допускает, фиксирует и удерживает именно те “субъекты”, которые он надеется представлять и освободить» [2, с. 172]. Иными словами, определения женственности и мужественности, нормативные установки относительно гендерного различия и деятельности, которая считается подходящей для мужчин и женщин, меняются в зависимости от ситуации и контекста.

В развитие этой мысли политолог Ш. Муфф отмечала, что гендерная онтология сложилась неслучайно. Эта онтология порождена традиционным разведением сфер «публичного» и «приватного»: «модерная категория индивидуального была сконструирована как постулирующая универсалистское, гомогенное “публичное”, как выталкивающая все особенности и различия в область “приватного” <...> такое положение имеет весьма негативные последствия в отношении женщин» [6, с. 223]. Еще раз повторим, что это «универсальное» исторически приравнивалось к «мужскому», а «женское» попросту отбрасывалось, уходило в небытие.

Сама Ш. Муфф разрабатывала другой подход в защиту гражданской субъектности женщин. Этот подход, на наш взгляд, актуален для нынешней российской массовой политики, в которую включены политически активные россиянки, поэтому остановимся на нем чуть подробнее. Теоретические постулаты Ш. Муфф были направлены одновременно и на критику классического «мужского» гражданства, и на критику гендерной онтологии. «Многие феминистки уверены, — отмечала она, — что без рассмотрения женщины в качестве согласованной идентичности мы не можем обосновать самой возможности феминистского политического движения, в котором женщина может объединяться с другими именно как женщина, чтобы сформулировать специфичные женские цели и преследовать их» [6, с. 217]. По ее убеждению, современная политика в интересах женщин должна быть понята не как отдельная форма политики, для того и изобретенная, но как «борьба против подчинения, которое существует сейчас в различных видах социальных взаимоотношений» [9, с. 232]. Ш. Муфф настаивала на том, что гражданство должно быть такой «формой политической идентичности, которая состоит в идентификации с политическими принципами современной плюралистической демократии, а именно — в утверждении свободы и равенства для всех» [6, с. 225].

Ш. Муфф фактически доказывала, что гендерная онтология — это ловушка. Ловушка, чреватая фрагментацией института гражданства, разложением его основополагающего смысла — как согласованного общего блага, сформулированного с учетом различных интересов и различных позиций. Новая эффективная «грамматика гражданского взаимодействия» призвана бросать вызов любой ситуации доминирования, утверждая принципы свободы и равенства. Целью современного демократического гражданства является не самоутверждение группы «женщины» в рамках гражданства, а «построение “мы” демократических граждан, коллективных политических идентичностей, связанных посредством принципа демократической эквивалентности» и равноценности [6, с. 227].

И здесь Ш. Муфф, вслед за другими, выходила на еще одну принципиально значимую для современной массовой политики тему — тему гражданского разнообразия, связанного не с «онтологией», а с многообразием социальных отношений и конфликтов в современном обществе. Тему заострили пред-

ставительницы женского «черного» движения, взбунтовавшиеся в процессе применения идеи «эмпайэрмент» на практике против «гегемонии» белых образованных женщин в женском движении тех лет. Наиболее полно их позицию выразила исследовательница Белл Хукс⁶ в широко известной работе «Феминистская теория: от края к центру» [13]. Она настаивала на том, что, в отличие от белых представительниц женского движения, ее соратницы намерены бороться не за социальное равенство с мужчинами, а «за прекращение угнетения, основанного на сексизме», за то, чтобы «искоренить культурный базис и причины сексизма, равно как и другие формы группового угнетения» [13, с. 253]. При этом Белл Хукс, формулируя концепцию «тройного угнетения», развивала мысль об авангардном, в известном смысле привилегированном положении черных женщин в женском движении. Это привилегированное положение, по ее убеждению, обеспечено ситуацией угнетения одновременно по половому, расовому, классовому признакам, что якобы создает возможности для создания некоей «контргегемонии» в этом движении [14, с. 945].

Тема признания социального разнообразия вышла за пределы женского движения: она оказалась крайне востребованной в рамках стратегии эмпайэрмента. Характерно размышление на эту тему политолога Н. Фрейджер, которая доказывала, что в конце двадцатого века борьба за признание различных социальных групп быстро становится формой парадигмального конфликта. «Борьбу групп, сплотившихся под знаменами национальности, этничности, расы, гендера и сексуальности, питают требования признать различие с точки зрения социального равенства <...> классовый интерес как основное средство политического сплочения заменяется групповой идентичностью, а эксплуатация как фундаментальная несправедливость — культурным доминированием» [12, с. 258].

Такое толкование различий в идентичности, субъектности — не как маргинальности, исключения из культуры, не как отклонения от нормы, а как некоей ценности — резко расширяло границы применения стратегии эмпайэрмента. Ведь в этой парадигме любой «другой» (другая субъектность) получает свой полновесный статус, за любым «другим» признается право на полноценное существование и гражданские, политические полномочия. Такой подход утверждает многогранность, многоликость, пестроту социального пространства, которое держится в напряжении не одним конфликтом — центральным, не одним противоречием — классовым, расовым или национальным, а множеством разных конфликтов, разных противоречий, по-разному и разрешаемых. Дж. Скотт следующим образом подводила итог теоретическим поискам тех лет в сфере признания культурного разнообразия. Современные феминистские теории не предполагают фиксированных отношений между сущностями, а трактуют их как изменчивые эффекты временной, культурной или исторической специфики, динамики власти. Ни индивидуальная, ни коллективная идентичность не существует без другого; включенности не существует без исключенности, универсального — без отвергнутого частного, не существует нейтральности, которая не отдавала бы предпочтение ни одной из точек зрения, за

⁶ Исследовательница в знак солидарности со всеми угнетенными нарочито писала свое имя не с заглавной, а с маленькой буквы.

которыми стоят чьи-то интересы, власть играет существенную роль в любых человеческих отношениях. Для нас различия — это факт человеческого существования, инструмент власти, аналитический инструмент [10].

Теоретические и практические поиски женского движения конца XX в., проходившие во многом в рамках стратегии «эмпваэрмент», по нашему убеждению, заложили определенную основу для демократического вектора развития современной массовой политики — в сторону «умной толпы» и ее «цивилизационной компетентности». Хотя, разумеется, фигура «Хозяина», обозначенная С. Жижекком, по-прежнему маячит на горизонте.

Библиографический список

1. *Айвазова С. Г.* Гендерное гражданство, активность и изменение гендерного порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / редкол. : С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. С. 230—244.
2. *Батлер Дж.* От пародии к политике // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 164—174.
3. *Жижек С.* Простая смелость решения: с благодарностью Тэтчер от левых. URL: <http://gefter.ru/journal/politics/page/2> (дата обращения: 08.08.2013).
4. *Канетти Э.* Масса и власть. М. : Ad Marginem, 1997. 528 с.
5. Массовая политика в России: пути изучения и концептуализации : круглый стол / Институт социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Kruglyi_stol/RT_DCPS_29_05_13 (дата обращения: 08.08.2013).
6. *Муфф Ш.* Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 214—235.
7. Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря [2011 г.] // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения: 26.05.2012).
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Избр. тр. М. : Весь мир, 1997. С. 43—164.
9. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М. : ФАИР ПРЕСС, 2006. 416 с.
10. *Скотт Дж.* Отголоски феминизма // Гендерные исследования. Харьков, 2004. № 10. С. 11—25.
11. *Тейлор В., Уиттьер Н.* Коллективная идентичность в группах общественных движений: лесбийская феминистская мобилизация // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 963—991.
12. *Фрейджер Н.* От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «постсоциалистическую» эпоху // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 258—289.
13. *Хукс белл.* Феминистская теория: от края к центру // Антология гендерной теории. Минск : ПроPILEI, 2000. С. 236—254.
14. *Хукс белл.* Черные женщины: формирование феминистской теории // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 929—945.

15. *Чикалова И.* Гендерная проблематика в политической теории // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 1 : Учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. 708 с.
16. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М. : Логос, 2012. 440 с.
17. *Vacqué M.-H., Biewener C.* L'empowerment, une pratique emancipatrice. Paris : La Découverte (Sciences Humaines/Politique et sociétés), 2012. 175 p.
18. *Pateman C.* The Sexual Contract. Stanford : Stanford University Press, 1988. 264 p.
19. *Scott J.* Some reflections on gender and politics // Revisioning Gender / ed. by M. M. Ferre, J. Lorber, B. D. Hess. London : Sage Publication, 1999. P. 70—96.

ББК 60.542.2

О. А. Воронина

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Я хотела бы коротко рассмотреть эволюцию государственной политики в сфере гендерного равенства за последние двадцать лет. За это время в нашей стране коренным образом изменился политический и экономический строй, трансформируются мировоззрение и ценностные ориентиры. Но в «этом прекрасном новом мире» женщины по-прежнему считаются «вторым полом».

В 1990-х гг. государственная политика во многом воспроизводила советскую модель «улучшения социально-экономического статуса женщин». Тогда эти меры критиковались радикально настроенными гендерными экспертами (и в том числе мной) за расхождение ситуации де-юре и де-факто. Сегодня мы вспоминаем это время скорее с симпатией, поскольку хотя бы на формальном уровне государство поддерживало принципы гендерного равенства (пусть даже и не употребляя этих слов). Так, в Указе Президента РФ от 4 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» цель этой политики определяется как обеспечение «...одинаковых условий для фактического равноправия женщин и мужчин в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны», хотя и подчеркивается важность «обеспечения права женщин на охрану труда <...> с учетом материнской функции» [4]. В рамках исполнения Указа Совет министров учредил федеральную программу «Женщины России», был сформирован Национальный совет по подготовке к IV Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995). В 1993 г. была также создана Общественная комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ.

© Воронина О. А., 2013